

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-51>
 ORCID 0000-0002-2034-2580

УДК 7.072.2

БЕСТИАРИЙ: НЕОВАРВАРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СТРАТЕГИЙ

Дж. Далла Бонта (Виченца, Италия)

Аннотация

В контексте смелого, длиною в жизнь проекта Дмитрия Александровича Пригова ясно прослеживается энциклопедическая перспектива, выраженная в различных подходах, языках и методологиях на протяжении всей творческой карьеры художника. «Бестиарий» Пригова не только отклоняется от традиционного пути энциклопедической генеалогии, является не только прототипом поздних, более ярко выраженных таксономических проектов, но также выступает в качестве отсылки к «проекту длиною в жизнь». Наша задача – показать, что серия «Бестиарий» не просто является исследованием русского культурного пространства, но что это и есть концепт антропологии Пригова, от начала истории культуры до наших дней в пост-советской и даже в постгуманистической перспективе, таким образом, утверждающий себя в качестве протознциклопедии его новой антропологии.

В процессе исследования применялись методы теоретического и общеполитического анализа (системный метод, анализ, аналогия, синтез), включая анализ текстов, интервью и художественной деятельности Пригова. Социологические методы служат и базисом построения выводов, основной подход отталкивается от семиотической и постструктуралистской точек зрения, таких как теория культуры Юрия Лотмана, философия Джорджо Агамбена и Жоржа Батая.

Таким образом, мы стремились подчеркнуть важность «Бестиария» в представлении теории культурной эволюции Дмитрия Пригова и его новой антропологии, обращаясь к этой серии с позиции визуального вывода его новой антропологической системы.

Ключевые слова: искусство, искусствоведение, культурология, пригов, бестиарии, семиотика, Агамбен, Лотман, эволюция, стратегия, антропология.

Постановка проблемы и цель статьи. В контексте смелого, «длинною в жизнь» проекта Дмитрия Александровича Пригова ясно прослеживается энциклопедическая перспектива, выраженная в различных подходах, языках и методологии на протяжении всей творческой карьеры художника.

С самого раннего периода деятельности Пригова эта тенденция может быть обнаружена в серии «Бестиарий», цель которой заключается в изображении и, вследствие этого, в фиксации в русской исторической памяти деятелей русской и международной культурной среды [Пригов, Балабанова, 2001, с. 1]. Она выражена в двойственной манере, смешивающей некую абстракцию и таксономические методологии. Пожалуй, уместно будет сказать, что этот подход распространен в более зрелых работах Пригова, в то время как его ранние поиски в большей степени сосредоточены на теме демиургической и одновременно функциональ-

ной природы художника. В «Бестиарии» же мы наблюдаем пересечение этих координат. Можно даже сказать, что «Бестиарий» является прототипом поздних, более ярко выраженных таксономических проектов, что эта серия выступает в качестве начала отсчета «проекта длиной в жизнь», целью которого стало исследование не только русского культурного пространства, но и самого понятия антропологии [Пригов, Парщиков, 2010, с. 15–29], утверждая себя в качестве протоэнциклопедии новой антропологии.

Обзор научной литературы и методология исследования. Процесс исследования осуществляется на основе междисциплинарного подхода в рамках многослойной художественной и интеллектуальной деятельности Д.А. Пригова: кроме историко-филологического анализа жанра бестиариев, используются также и другие методы, такие как теоретический, философский анализ (системный метод, анализ, аналогия, синтез), включая анализ текстов, интервью и художественной деятельности Пригова.

Социологические методы служат базисом построения выводов, основной подход отталкивается от семиотической и постструктуралистской точек зрения, таких как теория культуры Юрия Лотмана, философия Джорджо Агамбена и Жоржа Батая.

Результаты исследования. Мы подчеркнули важность «Бестиария» в становлении теории культурной эволюции Дмитрия Пригова и его «новой антропологии», обращаясь к этой серии с позиции визуального вывода его новой антропологической системы.

В результате теория культуры Д.А. Пригова раскрывается через философию Юрия Лотмана и Агамбена, объясняющую концепцию новой антропологии художника, значение всей культурной деятельности Д.А. Пригова в целом.

Вполне уместно утверждать, что «Бестиарий» Пригова, как и жанр бестиариев в общем, отклоняется от традиционного пути энциклопедической генеалогии в таких базовых аспектах, как ссылки и применение подхода, сосредоточенного на материальности и фенологических структурах, прослеживаемого от времени Аристотеля и до эмпиризма Дидро. Было бы упрощением связывать эти работы со сферой чистого сюрреализма, отрицая любую возможность теоретического анализа. Скорее можно предположить, что бестиарии жонглируют аксиомами омонимического жанра, зародившегося в конце эллинизма и развивавшегося в средневековый период, но даже действуя внутри него, они взывают к той реальности, которая не окутана связью со сферой контингентности. Как утверждает сам Пригов, принцип конструирования бестиариев восходит к древнейшим фратарно-племенным переживаниям зооморфных предков, к ритуалам и танцам со звериными масками, к древней традиции, которая прошла через Грецию и Рим и объявилась в Средневековье [Пригов, 1992, с. 25–31].

Физиологус [*Physiologus*] считается прямым исконным текстом бестиариев и протохристианской версией таких энциклопедических работ, как, например,

Naturalis Historia Плиния Старшего, написанной в Александрии в Египте во втором веке и являющейся заключительной стадией гибридизации эллинистической культуры. Эта работа выполняла реферативную функцию для установления общего *ethos* в протохристианских общинах [*koinè*] в контексте поздне-александрийского периода, когда возрождение архаических культов (мистические традиции, египетские культы, языческие общины) перемежалось с возникновением христианской веры. Таким образом, бестиарии берут начало в весьма гетерогенном и динамическом контексте как отсылка к моральным уровням, а не к онтологическим.

Работы Пригова, по словам самого автора [Пригов, 1992, с. 13], являются серией точных портретов деятелей культуры в современной России, вполне реальных людей. Данное высказывание только кажется противоречивым нравственной природе эллинистических бестиариев, так как объекты индексации предстают перед нами в совершенно ином обличье, чем энциклопедические; эти объекты – метафизические. Таким образом, метод, применяемый здесь, можно обозначить как метафизическая таксономия интеллектуальных феноменов. Сравнение между эллинистическим и своими контекстами приводит сам Дмитрий Александрович, когда рассматривает распад античной парадигмы и зарождение средневекового искусства через непосредственное участие эллинизированных варваров [Пригов, Балабанова, 2001, с. 156]. Более того, в интервью с Сергеем Шаповалом он помещает себя в эту сферу:

«Мне кажется, что кончается тип большого русского литературного менталитета, рождается эллинизм, если сравнивать типологически [...] Мне представляется, что я смогу быть персонажем, но уже не интимно русской культуры, а ново-варварской» [Пригов, Шаповал, 2003, с. 17].

По этим причинам предположение о том, что бестиарии являются не просто сюрреалистической энциклопедией выдающихся деятелей культуры, не представляется иррациональным. Наоборот, они подрывают определенную картину мира, которая считается переходной, находясь внутри нее: Пригов-автор является представителем гипертрофической тавтологической культуры – культуры, которая требует от своих обитателей булимического потребления информации, событий, данных. Не случайным становится то, что роль архивов и методы консервации знания являются популярным предметом внутри феномена концептуализма в целом, как и то, что цифровая археология переживает на данный момент подъем. Как представитель этой культуры, Пригов доходит до пределов (этого) таксономического высказывания для того, чтобы растворить его «в отрывистом бормотании». Таким образом, возникает своего рода двусмысленность между практикой крайнего процессуализма и схожестью с бредовой шуткой – своего рода варварская игра авторского своеволия. Как заметил Дмитрий Голышко-Вольфсон, большинство сочинений Пригова выглядят настолько педантичной таксономией критических самооценок, что в результате ставится под сомнение сам принцип оценочной классификации [Голышко-Вольфсон, 2007, с. 87].

Пригов указывает на алеаторную природу стремления к систематизации знания через его применение. Автономия крайне случайной системы становится частью поэтического пространства, захватывая его. Существует еще одна знаменитая работа, выявляющая схожую динамику. Энциклопедия *Аналитический язык Джона Вилкинса*, написанная Борхесом в 1952 году, указывает на то, что, учитывая классификацию животных в китайской энциклопедии *Небесная империя благодетельных знаний*, «не существует классификации мира, которая не была бы произвольной и проблематичной» [Borges, 1965, с. 2].

Очевидной целью этого списка, помимо просто развлекательной, является подрыв представлений устойчивых категорий читателя. В нем также поднимается вопрос, существует ли такой феномен, как объективная систематизация знания. Исходя из этого, можно предположить, что все таксономии являются случайными, а язык всегда относителен. Примечательно то, что этот отрывок из Борхеса вдохновил Мишеля Фуко на написание целой книги о сотрясении плоскостей, упорядочивающих для нас великое разнообразие существ, о проблематизации нашего опыта Тождественного и Иного: «Вот что сразу же открывается нашему взору, восхищенному этой таксономией; вот какое экзотическое очарование иного способа мыслить предстает перед нами под покровом аполога» [Foucault, 1970, xv].

Как замечает Георг Витте, такой же подход пронизывает поздние работы Пригова, в которых возникает инвентаризация числовых категорий, индексаций, разделений и подразделений, уравнений, регулирований, «соотношений и переводов», «сравнений по подобию, равенству и контрасту» [Витте, 2010, с.124]. Этот подход охватывает не только сферу научного знания, но также сферу так называемого духовного, или метафизического. Как известно, работы Пригова зачастую выступают как акт демистификации научных и мифологических систем, которые, на его взгляд, часто навязываются через призму идеологии. Как он пишет в «Предупреждении к Стратификации», страсть всеобщей стратификации окружающего мира сопровождает человечество с первых же его культурных вздохов, обретая вид мифологии, ритуалов, социальных и военных иерархий, научных и квазинаучных теорий [Пригов, 2001, с. 15]. В Стратификациях и многих других работах этот акт демистификации содержит в себе не отрицание, а скорее нарастание и гипертрофию этих идеологических динамик. То, что написал Витте по поводу семиотической жажды заполнения Азбук, можно применить к большинству этих работ:

«Азбуки функционируют как своего рода трансформатор, в котором изначальный поэтический стимул Пригова – в частности, обнажение мифологических корней идеологических фантазмов – переходит в более абстрактную форму обнаженного принципа обмена. [...] Приговская символическая экономика вызывает не уменьшение, а увеличение произвольности. Она не предполагает усиления семантического эффекта [...] но направлена на радикализацию немотивированной референции» [Витте, 2010, с. 48].

Экспансия жанров становится игрой, в которой такие научные параметры, как нематериальные качества (креативность, внутренняя сила и так далее), применены к таким «ненаучным» объектам, как ангелы [Пригов, 2001, с. 15]. Зооморфные персонажи, ассоциируемые с образом ангела, как описывает Михаил Эпштейн, являются посредниками и посланниками между двумя мирами [Epstein, 1999, p. 377]. Такой же феномен можно проследить в архаических прекультурах: упоминание Приговым тотемических ритуальных практик позволяет установить связь между ролью изображенных культурных экспонентов и ролью шамана, функцией которого, как заметили Леви-Стросс и Элиаде, является посредничество между земным и неземным, перемещающихся вдоль границ антропологических идентичностей. Даже если святые и неземные существа и нуждаются в иной классификации, они все же не ускользают от акта демистификации со стороны Пригова и становятся свидетельством произвольности любой идеологической (или мифологической) системы, а также роли культурных деятелей. Очевидная мифологизация статуса художника, особенно после Дюшана и практики авангарда, связана с гипериндивидуализацией субъекта, которую можно проследить, как замечает Юрий Лотман [Лотман, 1975, с. 25–74], и в поведенческих текстах декабристов, и у пресократиков.

Как в случае с интеллектуалами эпохи Просвещения, выступавшими от лица нового публичного мнения и, как утверждает Р. Козеллек в *Критике и Кризисе* [Koselleck, 1988], тем самым становившимися заложниками собственной просветительной мистики, попадая в ловушку «диалектики Просвещения», концептуалисты также в попытке разрушить миф запускают механизм истории, указывая на разрыв между прошлым (то есть классикой) и современным и все же остаются внутри этих динамик. Вышеупомянутая роль «неоварвара», которую Пригов помещает в специфическую переходную фазу культурного поворота, также не вырывается из семиотического контекста, а скользит вдоль его границ и даже полностью воплощает его собственные характеристики через деконструированную, оксюморонную и синкретическую мифологию. Деятели культуры представлены как гибриды в зависимости от их положения в культурном пространстве и их восприятия публикой. Пригов семиотически играет с этими образами, смешивая геральдику и фольклор, дзен и племенные ритуалы, и, таким образом, создает определенную форму современного синкретизма, которая в то же время взывает к позднему эллинистическому контексту. Как замечает Липовецкий, постмодернизм стремится деконструировать мифологию, а главный принцип русского постмодернизма, творящий нестабильные, часто противоречивые и даже взрывные гибриды-компромиссы, обозначается как паралогизм, одновременно структурирующий и деконструирующий [Lipovetsky, 2012, p. 1–36]. В основе этого феномена и в основе энциклопедического принципа вообще лежит вопрос идентификации, вопрос, который непосредственно освещается в «Бестиарии», а также связывает трикстеризм художественных стратегий с семиосферой, в которой находится этот семиозис. В отличие от энциклопедической традиции, здесь авторская идентичность представлена визуально, через мифологические и квази-

религиозные черты, напоминающие не только старые бестиарии, но также и иконы, и наскальное искусство. Эта стратегия отчасти отражена уже в творчестве Вик. Ерофеева, А. Битова [Ковтун, 2017].

Если в «Азбуках», «Рассчитаниях», «Стратификациях» и многих других работах Пригова этот вопрос исследуется через текстовый подход, то в «Бестиарии» вербальный язык присутствует только в индексическом, тавтологическом виде: в виде акта называния. Тем не менее назначающий жест лежит не только в основе определяющей сущности энциклопедии вообще, но и всей художественной деятельности Пригова и, как видно в «Бестиарии», жест сигнификации произвольно описывает поведенческие категории через визуальные знаки.

Хоть и менее заметно, то же самое происходит и со словесными знаками. В интервью с Парщиковым Пригов утверждает, что искусство пришло к такому тавтологическому выражению, что опознание художника состоит в самоназывании себя художником, как обезьяна в зоопарке, «так названо легитимирующими организациями и в таком качестве представлено здесь» [Пригов, Парщиков, 2010, с. 15–29]. И на самом деле, Пригов уже давно идентифицировал деятелей культуры как животных:

«Моя стратегия заключается не в том, чтобы доказать, что Егор Исаев равен Анне Ахматовой, а в том, чтобы показать: как только эти имена начинают претендовать на тотальную власть, они уравниваются. Я не описываю ни Ахматову, ни Исаева, я пытаюсь определить границу, за которой их язык и поведение становятся тоталитарными, они превращаются в монстров» [Пригов, Шаповал, 1997, с.1].

Заключение. В «Бестиарии» примечательно то, что их имена предельно сокращены, как в иконах. Они нечитаемы, они достигают предельной оксюморонной границы, где чрезмерность и нечитаемость совпадают, переходя в «бормотание», которое Эпштейн относит к постмодернистской апофазии [Epstein, 1999, с. 347–351]. Эта апофатическая глоссолалия, которая присутствует также и в чтениях «Азбук» и в криках в «Кикиморе», на самом деле связана с ролью ангела, гибридов и других персонажей – посредников между двумя мирами. Сам Пригов, как мы уже заметили ранее, называл себя неоварваром. И в этом смысле интересно то, что Юрий Лотман определяет варварское как сущности на границе культурного и мифологического пространства и поэтому являющиеся медиаторами:

«Эти поселения образовывали зону культурного билингвизма, обеспечивающего семиотические контакты между двумя мирами. Ту же функцию границ семиосферы выполняют районы разнообразных культурных смещений: города, торговые пути и другие области образований койне и креолизованных семиотических структур» [Лотман, 1992, с. 15].

С одной стороны, указывание их имен подводит нас к вопросу тавтологии, который отчетливо присутствует в самой сути культурного механизма на уровне идентичности художника. Это указывает на то, что достигаемое сообщение искажено и нечитаемо (например, нарочно нечитаемые самиздаты Пригова). С

другой – это напоминает нам о том, что эта тавтология стоит у истоков самой антропологии. Юрий Лотман утверждает, что человеческая природа наиболее ярко манифестируется через использование имен собственных, так как они являются указателем индивидуального осознания самобытности по отношению к Другому [Лотман, 1992, с. 52–63]. В то же время Джорджо Агамбен заявляет:

«Человек, до способности говорить, имея стадию младенчества, расщепляет единый язык, и для того, чтобы заговорить, ему необходимо сформировать себя как субъект языка, ему нужно сказать Я. [...] История существует только потому, что существует младенчество, только потому, что язык – это не то же самое, что и человек, и здесь лежит разница между языком и дискурсом, между семиотическим и семантическим» [Agamben, 1978, p. 86].

Назначающий жест считается предпосылкой любой попытки таксономии, так как эта «семиотическая инфляция» состоит из преобладания знака над самим объектом. Виртуализация здесь важный элемент, подталкивающий Пригова к исследованию новой антропологии, которая, как блестяще указывает Михаил Ямпольский [Ямпольский, 2011, с. 152–175], глубоко связана с «мерцающими», чисто потенциальными гибридами, изображенными в «Бестиарии». Дематериализация охватывает не только культуру в узком смысле, но также и определение самого человека. В частности, радикальный поворот самого понятия о том, что есть человек и его самоидентификация, происходит также и на биологическом уровне, если принять во внимание, что преисторические ритуалы, которые упоминает Пригов, у Жоржа Батая [Bataille, 1979, p. 34, 43] тесно связаны с ритмом таких биологических стадий, как рождение, смерть и прочие, а также с первыми симптомами человеческого самосознания, способного проецировать себя по отношению к Другому через религию, игру и искусство. То, как Пригов рассматривает постчеловеческую проблематику, возникающую в результате вторжения технологии в биологический ритм, а также гипериндивидуализацию субъекта (чья личность все еще распадается внутри социокультурного контекста, которому он изоморфен и подчинен), позволяет нам утверждать, что «Бестиарий» является прототипом особенной антропологической энциклопедии, в которой реальным объектом классификации выступает система категорий, составляющая модель художественного поведения в культурном пространстве. Какой будет антропология будущего, неизвестно, но тем не менее Пригов показывает нам невозможность человека одновременно действовать и создавать системы сигнификации за пределами гиперзакодированного контекста, а также невозможность остановить этот процесс. Как утверждает Борхес в *Аналитическом языке Джона Вилкинса*, мира в смысле чего-то ограниченного и единого не существует, однако невозможность постигнуть божественную схему мира не может отбить у нас охоту создавать наши человеческие схемы, хотя мы понимаем, что они временны [Borges, 1965, p. 3].

Похожее утверждение встречается и у Лотмана, согласно ему семиосфера стремится самоорганизоваться посредством грамматики, через серию метаструктурированных самоописаний, способных сохранять всю громаду культур-

ных данных. Как он замечает, моменты культурологических поворотов порождают состояние «большой информационной плотности», в ответ на которую сознание создает новую нормативную систему, новое поведение, которое проявляет ретроактивный характер для того, чтобы «ресемантизировать память» [Лотман, 1992, с. 15–23]. Мы полагаем, что архаические персонажи «Бестиария» отчасти изображают эти динамики и транслируются Приговым с помощью таксономических методологий с целью реконструировать грамматику переходного семиотического контекста (язык, но не слово), которому эти создания неизбежно подчинены, несмотря даже на то, насколько последовательна их стратегия трикстеризма. Не случайно, что у Агамбена развитие культуры связано также со взаимодействием с этими гиперзакодированными персонажами: в своем энциклопедическом прототипе Пригов действует на границах конвенционализма, «мерцая» между его ритуалистической и игровой природой. Ирония, которая пропитывает эту работу, тем не менее является серьезной игрой, освещающей трансмиссию и развитие культуры и человеческого сознания в его исторической эволюции.

Крайне важным является то, что эта трансмиссия не относится к определенному содержанию, а скорее является трансмиссией структур. Учитывая параллель, которую мы ранее проводили между монстрами и такими медиальными персонажами, как ангел и шаман, а также значение ритуалов, которые они представляют в контексте антропологической идентификации, важно отметить, что, как утверждает Агамбен, фундаментальный механизм культуры лежит в чередовании ритуалов и игр, которые соответственно трансформируют означающие диахронии в означающие синхронии, и наоборот. Последовательность целой системы опирается на противопоставление, или точнее, на постоянный обмен между стабильными (непрерывными) и нестабильными (прерывными) означающими: «ритуалы похорон и инициации являют собой объект трансмиссии функции означающего [...] содержание ритуала, передаваемый 'секрет' в том, что нечего передавать, кроме самого передавания, самой функции означающего» [Agamben, 1978, p. 86]. В процессе трансформации этой бинарной системы остается дифференциал, который является нестабильным означающим, часто воспринимающимся как угроза (например, призрак), но по сути необходимым для воссоздания системы обмена между двумя мирами и, таким образом, гарантирующим трансмиссию означающих следующим поколениям. Поэтому Пригов, через его семиотическое и даже тавтологическое перепроизводство полностью выполняет роль деятеля культуры будущего. Как утверждает Агамбен:

«Необходимо напомнить основное правило игры историй: означающие непрерывности должны обмениваться с означающими прерывности, и передача означающей функций важнее самых означающих. Настоящая историческая непрерывность не может отбрасывать означающие прерывности и сдерживать их в каком-то парке развлечений или же музее ларв [...], она должна, играя с ними, принять их для того, чтобы вернуть их прошлому и передать их будущему» [Agamben, 1978, p. 86].

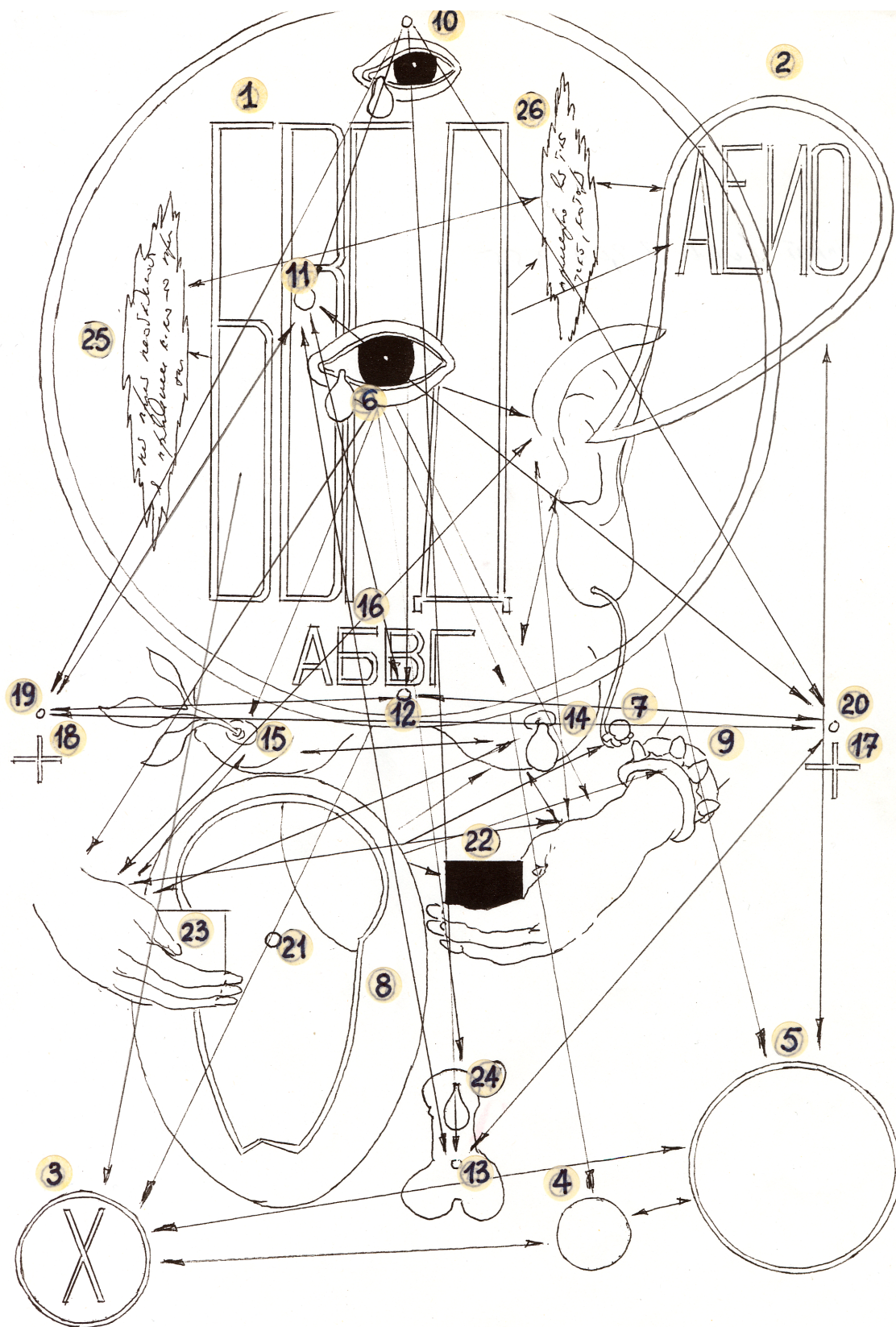

Рис. Пригов Дмитрий, Захаров Вадим, Порудоминская Мария, Пастор 1 //
Сборник избранных материалов, опубликованных в журнале Пастор, 1992–2001.
Koeln: Zond Edition, 1992. С. 30

Pic. Prigov D., Zakharov V., Porudominskaya M. Pastor 1 // Collection of selected materials
published in the journal "Pastor", 1992–2001. Koeln: Zond Edition, 1992. P. 30

Библиографический список

1. Витте Г. Чего бы я с чем сравнил: поэзия тотального обмена Д.А. Пригова // Неканонический Классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007). Е. Добренко, М. Липовецкий, И. Кукулина, М. Майофис. М.: НЛЮ, 2010. С. 124.
2. Гольинко-Вольфсон Д. Читая Пригова: неоднозначное и неочевидное. М.: НЛЮ, 2007.
3. Ковтун Н.В. Мастер – пророк – Премудрость в повести А. Битова «Человек в пейзаже» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 114–125.
4. Лотман Ю. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. 1975. С. 25–74.
5. Пригов Д., Балабанова И. Говорит Дмитрий Александрович Пригов. М.: ОГИ, 2001.
6. Пригов Д. Исчисления и установления. М.: НЛЮ, 2001.
7. Пригов Д., Парщиков А. Мои рассуждения говорят о кризисе нынешнего состояния (Беседа о «новой антропологии»). 1997 // Неканонический Классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) / Е. Добренко, М. Липовецкий, И. Кукулина, М. Майофис. М.: НЛЮ, 2010.
8. Пригов Д. О Бестиарии // Пастор. Köln: Pastor Zond Edition, 1992. Т. 1.
9. Пригов Д., Шаповал С. Портретная галерея Д. А. П. М.: НЛЮ, 2003.
10. Пригов Д., Шаповал С. Постмодернизм! Хоть имя дико... / 1997. URL: <http://www.intelros.org/drevo/prigov1.htm> (дата обращения: 04.09.2020).
11. Ямпольский М. Новая антропология как Новая Зоология // Dmitri Prigov, 54a Esposizione Internazionale d'Arte. Zurich: Barbarian art gallery, 2011.
12. Agamben G. *Infancy and History*. London: Verso, 1993 [Infanzia e storia. Distruzione dell'esperienza e origine della storia. Torino: Einaudi, 1978].
13. Bataille G. *Lascaux o la nascita dell'arte*. Milano: Mimesis, 2008 [Lascaux ou la naissance de l'art // Œuvres complètes. Paris: Gallimard, 1979].
14. Borges J.L. *The Analytical Language of John Wilkins & Other Inquisitions*. New York: Washington Square Press, 1965 [Otras Inquisiciones (1937–1952). Buenos Aires: Sur, 1952].
15. Epstein M. *Russian Postmodernism: new perspectives on post-Soviet culture*. New York: Berghahn books, 1999.
16. Foucault M. *The Order of Things*. New York: Pantheon, 1970 [Les mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines. Paris: Gallimard, 1966].
17. Koselleck R. *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge: Mass., MIT Press, 1988.
18. Lipovetsky M. *The Aesthetic Code of Russian Postmodernism*, 2012. URL: http://digitalscholarship.unlv.edu/russian_culture/19 (дата обращения: 04.09.2020).
19. Lotman Y. *La cultura e l'esplosione: prevedibilità e imprevedibilità*. Milano: Feltrinelli, 1993. P. 48 [Мир собственным именем // Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. С. 52–63].
20. Lotman Y. *On the semiosphere* // *Sign Systems Studies*. 2005. Vol. 33.1. P. 205–229 / ed. Wilma Clark [О Семиосфере] // Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 15–23].

Сведения об авторе

Джада Далла Бонта – независимый исследователь и куратор (Италия);
e-mail: dallabonta@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-51>
 ORCID 0000-0002-2034-2580

BESTIARIES: A NEOBARBARIC ENCYCLOPEDIA OF STRATEGIES

G. Dalla Bontà (Vicenza, Italy)

Abstract

In the context of Dmitry Alexandrovich Prigov's audacious "lifelong" project, an encyclopedic perspective can be traced quite clearly through various approaches, languages and methodologies throughout the artist's creative career. Prigov's *Bestiaries* not only deviate from the traditional path of encyclopedic genealogy; they are the prototype of later, more pronounced taxonomic projects, and even act as a reference to what he called his "lifelong project". Our task is to show how the *Bestiaries* series is not only a study of the Russian cultural space, but is also the very concept of Prigov's anthropology from the beginning of the history of culture to the present day in a post-Soviet and even post-human perspective, thus asserting itself as a proto-encyclopedia of his New Anthropology.

In the process of researching, methods such as theoretical, general philosophical analyses (systemic method, analysis, analogy, synthesis) were used, including the analysis of texts, interviews and artistic production of Prigov. The sociological methods are also taken as the basis for drawing conclusions and the main approach moves from a semiotic and poststructuralist point of view, especially the theory of culture of Yuri Lotman, the philosophy of Giorgio Agamben and George Bataille.

Thus, we have outlined the importance of the *Bestiaries* in presenting the theory of cultural evolution of Dmitry Prigov and his "new anthropology", referring to this series on the role of the visual conclusion of his new anthropological system.

Keyword: *art, art critics, cultural studies, Prigov, bestiaries, semiotic, Agamben, Lotman, evolution, strategy, anthropology.*

References

1. Agamben G. *Infancy and History*. London: Verso, 1993 [Infanzia e storia. Distruzione dell'esperienza e origine della storia].
2. Bataille G. *Lascaux or the birth of Art*. Milano: Mimesis, 2008 [Lascaux ou la naissance de l'art].
3. Borges J.L. *The Analytical Language of John Wilkins & Other Inquisitions*. New York: Washington Square Press, 1965 [1952].
4. Epstein M. *Russian Postmodernism: new perspectives on post-Soviet culture*. New York: Berghahn books, 1999.
5. Foucault M. *The Order of Things*. New York: Pantheon, 1970.
6. Golyenko-Wolfson D. *Reading Prigov: ambiguous and unobvious*. Moscow: UFO, 2007.
7. Koselleck R. *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge: Mass., MIT Press, 1988.
8. Kovtun N.V. Master – Prophet – Wisdom in A. Bitov's story "The Man in the Landscape" // *Siberian Philological Journal*. 2017. No. 4. P. 114–125.
9. Lipovetsky M. *The Aesthetic Code of Russian Postmodernism*, 2012. [http://digitalscholarship.unlv.edu/russian_culture/19].
10. Lotman Y. *Decembrist in Daily Life (Domestic Behaviour as a Historical and Psychological Category)* // *Decembrists' Literary Heritage*, 1975. P. 25–74.
11. Lotman Y. *On the semiosphere* // *Sign Systems Studies*. 2005. Vol. 33.1. P. 205–229 / ed. Wilma Clark.

12. Lotman Y. World of Own Names // Culture and Explosion. Moscow: Gnosis, 1992. P. 52–63.
13. Prigov D. Calculations and Establishments. Moscow: UFO, 2001.
14. Prigov D. On Bestiary // Pastor, vol.1, Köln: Pastor Zond Edition, 1992. P. 25–31.
15. Prigov D., Balabanova I. Says Dmitry Alexandrovich Prigov. Moscow: OGI, 2001.
16. Prigov D., Parshchikov A. My reasoning speaks about the crisis of the present state (Conversation about “new anthropology”) // Non-Canonical Classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007). Dobrenko E., Lipovetsky M., Kukulina I., Mayofis M. Moscow: New Literary Review, 2010. P. 15–29.
17. Prigov D., Shapoval S. Portrait Gallery D.A.P. Moscow: UFO, 2003.
18. Prigov D., Shapoval S. Postmodernism! At Least the Name Wildly... 1997. URL: <http://www.intelros.org/drevo/prigov1.htm>
19. Witte G. What would I compare: the poetry of the total exchange of D.A. Prigov // Non-Canonical Classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007). Dobrenko E., Lipovetsky M., Kukulina I., Mayofis M. Moscow: New Literary Review, 2010. P. 124.
20. Yampolsky M. New Anthropology as New Zoology // Dmitri Prigov, 54th International Art Exhibition. Zurich: Barbarian Art Gallery, 2011. P. 152–175.

About the author

Jada Dalla Bonta – is an independent researcher and curator (Italy);
e-mail: dallabonta@gmail.com